

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ*

1. [План, которого автор намерен держаться в дальнейшем при обсуждении разных предметов]

Нахожу теперь своевременным сказать о мученичестве и о том, кто совершенен. Рассмотрим и все остальное, что имеет связь с этими двумя вещами. Тут нам, безотносительно к полу человека, мужскому или женскому, прежде всего придется решить философский вопрос: кто раб и кто свободен? Затем, пополнив прежние наши рассуждения о вере и рассмотрев, как прийти к ней, мы предпримем рассуждение о символах; а после слова о нравах и нескольких мимоходом сделанных заключений покажем вкратце, какую помощь оказала эллинам варварская философия. Уделив внимание этому предмету, мы на некоторое время остановимся на тех местах Писания, которые одновременно опровергают как эллинов, так и иудеев. Далее мы рассмотрим и то, что в предисловии обещали изложить ранее, но не смогли из-за обилия сведений. Изложив, сколь возможно, все эти предметы, мы начнем рассуждение о началах естества — насколько память о том сохранилась у эллинов и варваров, — чтобы далее перейти к обсуждению и важнейших философских учений. Затем, мельком коснувшись богословия, нам естественно будет изложить и пророческие предания. Подтвердив после этого достоверность Писания, в которое мы уверовали, и его божественное происхождение, мы сможем шаг за шагом разобрать еретические учения, противопоставляя им учение о едином Боге и Господе Вседержителе, столь открыто возвещаемое в законе, пророческих писаниях и в благом Евангелии. Тут нас, понятно, ожидают частые столкновения с приверженцами противоположных мнений; но мы намерены, запечатлев их здесь, затем одолеть и, обличая ссылками на Писание, вопреки собственной их воле убедить в ином. Наше намерение будет исполнено, если эти разъяснения, в меру их внушения нам Духом,

¹ Следующее далее в русском Синодальном и церковнославянском тексте «чрез Духа» («Духом») отсутствует и у Климента, и в некоторых греческих рукописях Послания.

* Печатаем отдельные главы. — *Прим. сост.*

— о чем считаем необходимым предупредить до изложения самой истины, — удовлетворяют нуждам времени. После этого мы перейдем — по правилам предания истинного ведения — к учению о природе и откроем тайны сперва меньшей важности, чтобы затем привести и к важнейшим. Таким образом, по разъяснении и изложении исходных начал согласное с божественным разумом истолкование священных вещей ничем не будет затруднено. Но этот взгляд на видимую природу или, лучше сказать, уяснение тайны бытия вселенной, через знакомство с преданием истинного ведения и космогоническое знание, возведет нас и к познанию Бога. Вот почему наше воззрение на природу основано на том, что она сотворена, как утверждают это и пророки. Мимоходом мы припомним и противоположные учения, чтобы по возможности показать их несостоятельность. Но весь этот замысел можно выполнить лишь милостью Божией в ту меру, какую дал нам Бог.

Теперь обратимся к нашему предмету и сперва окончим то, что нам осталось сказать о морали.

2. [Почему книгам этим дано название «Строматы»?]

Этим «Достопамятностям», как мы уже не раз об этом говорили, имея в виду не слишком рассудительных и многознающих, придан вид узорчатых ковров. В них мы постоянно переходим с предмета на предмет, говорим как бы об одном, но при этом указываем на иное. «Рудокоп, — говорит Гераклит, — в поисках золота перерывает множество земли, а находит самую малость». Читатель же наших заметок, если он сам, как говорится, истинное «злато земли» и будет извлекать из них лишь то, что ему сродно, без особого труда найдет здесь и в малом немало: найдется и у этой книги хотя бы и один читатель, который поймет ее. «Строматы» эти в руках человека разумного — лекарство для памяти и средство отыскать истину. Но они не связывают его, не лишают его собственного взгляда на дело и не будут в обиде на него, если он присоединит к ним и свои личные рассуждения. Разумному путнику, если он попадет на незнакомую дорогу, достаточно лишь указать верный путь, чтобы он сам достиг цели; дальше уже его дело — идти без провожатого и самому догадываться, где он и где цель его пути. Однажды некий раб спросил дельфийскую жрицу, как ему расположить к себе своего господина? Пифия ответила: «Если поищешь, найдешь». И все же мне кажется, что содержимое в тайне прекрасное нельзя отыскать без труда.

Добродетель лишь потом берется... Длинна и крута стезя к ней
И очень трудна сначала. Но когда восходят на вершину,

Она кажется столь же легкой, как неудобной сперва¹.

Да, *тесен и узок путь* Господень (ср.: Мф. 7, 14) и лишь *для употребляющих усилие Царство небесное* (ср.: Мф. 11, 12). Вот почему Господь и говорит нам: *Ищи и найдешь* (ср.: Мф. 7, 7), если будешь держаться царского пути и никогда не уклонишься с него.

Поистине, великая плодоносная сила заключена в малом семени учений, содержащихся в этой книге; по слову Писания, она — *как питающий всех полевой злак* (Иов. 5, 25). Следовательно, если наши эти заметки названы «Строматами» (т. е. пестрыми лугами), то такое наименование вполне подходит их содержанию, ибо речь в них и вправду идет о разных предметах. По свидетельству Софокла, в древние жертвы

Входило и руно овцы, и вино, и зрелые виноградные кисти,
И разного рода плоды, и оливковое масло в сосудах,
И самолучший мед, и восковые медовые соты — искусное дело пчелы.

Подобно этому, и в наших «Строматах» воспользуемся сравнением, которое комик Тимокл¹ вложил в уста своему садовнику: «Как бы на плодородном некоем поле произрастают и винные ягоды, и масличные деревья, и дикие смоквы; и мед сюда несут пчелы». Это плодоносность поля и заставляет хозяина произнести следующее:

Конечно, не о поле обработанном ты это говоришь,
А про ветвь оливкового дерева, стоящую пред храмом.

У детей афинян и в самом деле был обычай петь пред храмом стихи такого содержания:

Одна и та же ветвь оливы приносит и маслины, и винные ягоды,
И хлеб в пищу, и мед в наши сосуды, и масло,
Чтобы смягчать нашу кожу.

Подобно веяльщику, отделяющему зерно от мякины, и наш читатель должен почаще пропускать пшеницу сквозь решето и очищать ее от сора.

3. [В чем состоит истинное превосходство человека?]

Большинство людей непостоянством и неразумием походят на переменчивую погоду. Слушайте же: «Неверие есть мать всех благ, а вера — мать всех зол». Так говорит Эпихарм. «Помни, что верить не следует, — говорит он, — это — основа разумности». Но неверие воистину ведет к смерти, равно как вера в истину — к жизни. И наоборот, верить в ложь, а истину отвергать — значит рыть себе яму, чтобы сгнать в ней. То же самое следует сказать о воздержании и невоздержности: первое — дело жизни, второе — смерти.

¹ Греческий комедиограф.

Воздерживаться от дел добрых равносильно безделью; воздержание же от всякого рода неправд — начало спасения. И мне кажется, что почитанием субботы косвенно заповедуется воздержание, ибо именно им советуют укрощать в себе злые наклонности. А иначе чем отличался бы человек от животных? И, с другой стороны, в чем Ангелы Божии были бы мудрее человека? *Немногим Ты умалил его пред Ангелами*, — восклицает царственный пророк (Пс. 8, 6). Действительно, никто не относит этого изречения Писания к Господу, хотя Он также облечен был плотью. Лучше всего отнести его к совершенному мудрецу, лишь немногим умаленному перед Ангелами, а именно — лишь временностью этой земной жизни и облечением в одежду плоти (2 Кор. 5, 1—2). Поэтому под мудростью я разумею не что иное, как знание. Ибо жизнь [бесплотных] от жизни [нашей] не может отличаться по существу. Для природы смертной, т. е. человека, равно как и для всех других созданий, вместе с ним возвышенных бессмертием, жить — означает созерцать и во всем соблюдать умеренность и воздержность, хотя по степени совершенства одни существа могут превосходить другие. Именно в этом высоком смысле Пифагор говорит: «Только один Бог премудр», как и апостол в Послании к Римлянам пишет¹: *к послушанию веры², извещенной во всех народах, единому премудрому Богу через Иисуса Христа* (Рим. 16, 26—27). Из-за любви, которая соединяла Пифагора с мудростью, он назвал себя не мудрецом, а лишь любителем мудрости. *Беседовал же с Моисеем Бог*, — говорит [Писание], — *как друг [беседует] с другом* (Исх. 33, 11). Итак, у Бога правда и достоверность у Бога. Он Сам порождает истину, и в истину же влюблен и истинно мудрый. *Пойди, ленивец, к муравью и стань учеником пчелы*, — говорит Соломон (ср.: Притч. 6, 6). Чему учиться? Тому, что у каждого существа свое особое назначение: иное у вола, иное — у лошади, иное — у пса. Значит, и человек свое призвание имеет. Какое же? Человек, в моем понимании, есть нечто вроде кентавра, почитавшегося в Фессалии. Он составлен, с одной стороны, из тех же элементов, что и животные; с другой стороны, есть в нем и духовное начало, т. е. состоит он из души и тела. Тело занято землей и гнется к ней; душа же стремится к Богу. Просвещенная истинной мудростью, она устремляется ввысь к родственным ей небожителям; всеми своими силами трудится она над освобождением от похотей тела, и среди прочего — от забот и страхов, хотя, как мы показали выше, терпение и страх необходимы для утверждения в добродетели.

¹ Следующая далее цитата из заключительной части Послания к римлянам (ст. 25—27, отсутствующие в Синодальном издании русской и церковнославянской Библии, но сохранившиеся в некоторых греческих рукописях и включаемые в научные издания греческого текста Нового Завета) у Климента несколько изменена.

² Следующее далее причастие «извещенной», являющееся у Климента определением к «вере», в оригинальном тексте послания относится к «тайне», упомянутой в предыдущем (25-м) стихе.

То правда, конечно, что *законом познается грех* (Рим. 3, 20), как это утверждают и хулители закона, хотя и *до закона грех был в мире* (Рим. 5, 13); но *без закона*, ответим мы им, *грех мертв* (ср.: Рим. 7, 8). Ибо если мы, будучи под законом и исторгая из себя грех — причину страха — не освобождались от [самого] страха, то тем более удалим от себя наказание, как только иссякнет источник страстного пожелания. *Закон же не для праведника положен*, — говорит Писание (ср.: 1 Тим. 1, 9). Полны глубокой правды поэтому и слова Гераклита: «Люди никогда не имели бы и понятия о справедливости, если бы не знали преступлений». И по мнению Сократа, «законы не для добродетельных принимаются».

Хулители закона не постигли смысл и этих слов апостола: *Любящий ближнего зла не делает ему* (Рим. 13, 10); [*заповеди*] *не убивай, не прелюбодействуй, не кради и всякая другая, которая заключена в слове: Люби ближнего твоего как самого себя* (Рим. 13, 9). Вот почему и Господь наш говорит: *Возлюби Господа Бога твоего от всего сердца твоего и ближнего твоего, как самого себя* (Лев. 19, 18; Втор. 6, 5; Лк. 10, 27; Мф. 22, 37, 39). Но так как человек, любящий своего ближнего, ничего дурного ему причинить не может и так как сущность всех заповедей содержится в одном кратком слове: любите ваших ближних, то из этого следует, что заповеди, которые должны были пробудить страх, порождают любовь, а не ненависть. Закон, отец страха, следовательно, не может производить в душе ни смущения, ни печали. *Потому что*, — говорит апостол, — *закон свят и поистине духовен* (ср.: Рим. 7, 12, 14).

Итак, коль скоро мы знаем природу тела и сущность души, то можем, я думаю, и то понять, какая их ожидает участь, и после этого уже не считать смерть злом. *Ибо когда вы были рабами греха*, — говорит апостол, — *тогда свободны были от праведности. Какой же плод вы имели тогда? Дела, которых теперь и сами стыдитесь, ибо конец их — смерть. Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец — жизнь вечная. Ибо возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 6, 20—23). Отсюда ясно, что жизнь души грешной, когда она еще соединена с телом, есть смерть для нее, действительной же для нее жизнью будет лишь разрыв связей с грехом. Но при этом постепенном отрешении от греха мы то и дело натываемся на пожелания, служащие как бы тынами и рвами, к тому же затрудняющие очищение себя от греха, бури гнева и других страстей; необходимо при этом обходить и пропасти плотских удовольствий. А преодолевать их надо решимостью духа и уклонением от расставленных против нас сетей; лишь тогда возможно достичь созерцания Бога лицом к лицу, а не в зеркале (1 Кор. 13, 12)¹.

¹ Русский Синодальный перевод *сквозь [тусклое] стекло* неточен.

Половину силы отнимает всеназирающий Зевс у человека,
 Которому приходится быть в рабстве у других
 (Одиссея, XVII, 322).

А в рабском состоянии находятся все работающие греху (ср.: Рим. 6, 17—20), ему *проданные* (ср.: Рим. 7, 14). Рабами греха Писание называет всех, кто занят доставлением себе лишь чувственных удовольствий, — всех занятых лишь своим телом. С точки зрения Писания эти несчастные походят более на животных (ср.: Пс. 48, 13, 21), на разгоряченных коней, ржущих на жену ближнего (Иер. 5, 8 и др.), они скорее скоты, чем люди. На образном языке Писания плотугодник — это похотливый осел (Иов. 11, 12); похититель чужого добра — хищный волк (Быт. 49, 27; Иез. 22, 27); клеветник — змея (Быт. 49, 17 и др.).

Поэтому-то постепенное отрешение души от тела, которым философ занят в течение всей своей жизни, пробуждает на дне его сердца искреннее стремление к познанию, дабы тем бодрее и спокойнее перенести ему и естественную смерть, которая есть разрешение уз, соединяющих душу с телом. *Для меня мир распят и я для мира*, — говорит апостол (Гал. 6, 14). Хотя жив еще и во плоти, но так, как если бы уже на Небе жительствовавал (ср.: Гал. 2, 20; Фил. 3, 20).

4. [Похвала мученичеству]

Вот почему тот, кого называют мудрецом, весьма послушен; вот почему он даже и тело свое охотно отдает тому, кто от него этой жертвы требует. Очистив плоть свою от всех греховных склонностей, он не с бранью обращается к искушающему, а скорее со словами вразумления и обличения в бесчинстве.

Сколь бы ни был он богат, на какой бы высоте
 Благоденствия он ни стоял,

нисходя с нее, как говорит Эмпедокл, он расстается со своим счастьем без сожаления и, возвращаясь в среду остальных людей, занимает указанное ему здесь место без ропота. Прежде всего он пред самым собой свидетельствует о своей искренней верности Богу; во-вторых, он свидетельствует против искушителя, доказывая, что тот попусту возмущается твердостью и неизменностью его любви к Богу; в-третьих, наконец, он свидетельствует пред Господом, что Его учению присуща особая Божественная сила убедительности, так что даже страх смерти не может понудить его к вероотступничеству. Но и истинность учения он подтверждает самым делом, являя остальным всемогущество Бога, к Которому стремится. Кто не удивится красноречивости этой проповеди о любви из уст столь благородного подвижника? Кто не сочтет удивительным чувство благодарности, с которым он стремится к соединению с родственными ему душами? Каким стыдом, проливая свою драгоценную кровь,

покрывает он неверующих! Удерживаемый от отступничества благотворным страхом заповеди, он не соглашается отречься от Христа и этим свидетельствует о присущем ему страхе Божиим. И обратим особое внимание на то, что он не продает свою веру. Он поступает так, не ожидая приготовленного ему венца; он оставляет эту жизнь из одной любви к Богу, с радостью в сердце, с благодарением на устах, и к Пробудившему в нем голос, который зовет его из этого мира, и к злоумышленно посягнувшему на дни земной его жизни. Он благодарит их, ибо они дали ему то, чего сам он никогда не добивался, — столь удобного случая явить себя миру и Богу таким, каков он есть; мучителю показать силу своего терпения, а Богу — искренность своей к Нему любви. О, полнота милосердия Божественного! Оно еще ранее возрождения мученика [в водах крещения], чрез любовь, возжженную в его сердце, уже предопределило его в достояние Себе, с любовью взирало на его преданность и готовность принести себя на заклание. Уразумейте и всецелое его доверие к Господу! С каким мужеством и радостью стремится он к соединению с Тем, Кого он любит, за Кого добровольно жертвует своим телом и вдобавок — жизнью, как думают его земные судьи! Но этой последней он не теряет, а, напротив, приобретает ее, слыша от Христа, по сходству их страданий, приветствие: «О, брат мой возлюбленный!» — как выразился бы поэт.

Да, мы называем мученичество «совершенством» — в отличие от тех, кто называет так завершение человеческой жизни; мы видим в нем проявление совершеннейшей любви к Богу.

Древние эллины в торжественных песнях прославляли смерть павших на поле битвы. Но это они делали вовсе не затем, чтобы побуждать других к насильственной смерти. Почтением, которое воздавалось павшим на войне, они свидетельствовали лишь то, что те ушли из этой жизни без страха перед смертью. Они отрешились от тела раньше, чем душа могла испытать смущение и впасть в состояние омертвелости и бесчувствия, как это бывает с людьми, умирающими от болезней, ибо последние расстаются с этой жизнью в страхе и снедаемые желанием еще пожить. Выходит, что душа умирающих от болезней, если только они не были отменно добродетельными, вместо того чтобы освободиться из смертной этой темницы в чистоте, отходит окруженная целым роем похотей, повисающих на ней, подобно свинцовым гилям.

Есть, впрочем, и среди падающих на поле брани умирающие среди пожеланий и всех пристрастий, какие они непременно обнаружили бы, если бы чахли и угасали от какой-либо болезни.

Итак, мученичество заключается в исповедании Бога. А если так, то и каждая душа, проводящая свою жизнь согласно с познанием о Боге и исполняющая Его заповеди, есть уже исповедница — делом и словом. Не все ли равно, как освободиться из темницы этого тела? Вместо пролития крови она свидетельствует о своей вере всей жиз-

нию и исповедует Бога даже в минуты смерти. Не говорит ли Господь в Евангелии: *Кто оставит отца или мать или братьев — и далее до слов: ради Евангелия и имени Моего, и будет блажен* (ср.: Мф. 19, 29—30). Не о мученичестве в обычном смысле этого слова Господь говорит здесь, а о мученичестве и исповедничестве, протекающих из познания, об исповедании Господа своей жизнью в любви к Нему на началах Евангелия. Ибо знание имени [Христа] и разумение [Его] Евангелия указывают не на суетное поминание имени и дела Христова, а на необходимость истинного познания, проведенного в жизнь; и такое познание будет действительно исповедничеством — с оставлением не только земного родства, но и всех благ внешних, всех страстей и похотей. Словом *мать*, которую приходится оставлять ради Христа и Его Евангелия, иносказательно обозначено отечество и родная страна. Под словом же *отец* Писание понимает законы и порядки, над которыми праведник с благодарением и великодушием должен возвыситься, чтобы стать угодным Богу и занять место на правой стороне святилища [Царства Божиего], чего добивались и апостолы (ср.: Мф. 20, 21).

Уже и Гераклит говорил: «Принесших себя в жертву Аресу и боги чествуют, и люди». Платон в 5-й книге своего творения «О государстве» говорит: «Тем из сражающихся и умирающих на войне, кто падает со славой, не предоставим ли мы первое место среди людей золотого поколения? Без сомнения, это отличнейшие из всех людей». Золотым же поколением считались потомки богов, после смерти населявшие небо и звезды и принимающие наибольшее участие в управлении судьбами людей.

Некоторые же из еретиков, зная о Господе недостаточно, лишь понаслышке, питают нечестивую и трусливую привязанность к этой жизни и утверждают, что и познание Бога само по себе является истинным исповедничеством. Дело это, конечно, доброе, но когда они называют посягателем на свою личность и самоубийцей всякого христианина, своей смертью прославившего Бога, то в этом мы видим уже нечестие. Они подтверждают свое мнение софизмами, которые внушены трусостью. Они несогласны с нами в самых основах дела, и мы в свое время опровергнем их.

Есть и другого рода люди, не имеющие ничего общего с нами, кроме имени. Они преднамеренно бегут навстречу палачу и отдают себя на смерть, делая это из ненависти к Творцу. Несчастные! Что за дикое желание поскорее расстаться с жизнью! Относительно этих самоубийц мы провозглашаем: смерть их не есть мученичество, хотя они и казнятся по приговорам властей. Они не сберегли печати истинного мученичества [за веру]. Они не ведают истинного Бога и смерть их напрасна. Подобным образом и индийские гимнософисты бессмысленно бросаются в пламя. Этим лжеумудрецам, изливающим свое нечестие на собственное тело, мы объявляем прямо, что телесная гармония сильно воздействует на наш дух и развивает способ-

ности нашей души. Вот почему Платон, на кого еретики больше всего ссылаются как на хулителя творения, в 3-й книге своего «Государства» пишет, что ради гармонии между телом и душой следует особенно заботиться о теле, с помощью которого только и может жить и право действовать славный провозвеститель истины. Только сохраняя жизнь и здоровье, мы можем проникаться познанием. Тот же, кому за неимением этих первых условий успеха не дано подниматься до такой высоты ни всего того делать, что направляет его на путь познания, не тем более разве должен дорожить благосостоянием тела? Лишь через жизнь мы утверждаем благосостояние жизни; и лишь под этой телесной оболочкой, навывкнув к доброй жизни, постигаем бессмертие.

5. [О пренебрежительном отношении к болезням, бедности и другим внешним несчастьям]

Удивления достойны стоики, поучающие, что телесные недуги нисколько не влияют на душу; ни болезни-де не располагают ее к порокам, ни здоровье — к добродетели; состояние тела и настроение душевное не имеют, стало быть, никакой связи.

На первый взгляд, это так. В лице Иова, из богатства, низведенного в нищету, из известности в безвестность, из красоты в уродство, из здоровья в болезнь, не показан ли нам блистательный и превосходный образ веры и душевной крепости? Ведь он низлагает искусителя, благословляет Создателя и переносит унижение так же, как переносил и славу! Удивительный пример того, как истинный мудрец и среди всех превратностей жизни остается верен добродетели! А что добрые примеры древних праведников поставлены пред нами, словно изображения, которые должны вдохновлять нас к изменению нашей жизни, это объясняет и апостол. Так, он говорит: *Узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большою смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божие* (Фил. 1, 13—14). Апостол имел все причины сказать это, ибо мученические подвиги являются священными образами той перемены, [произведенной Христовым учением], которую они и засвидетельствовали со славой. *А все, что писано было, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду утешения* (Рим. 15, 4).

На деле оказывается, однако, иначе. Душа, пораженная какой-либо скорбью, как будто никнет и считает важнейшим делом освободиться от налегшей на нее тяжести. Несомненно, что во все это время о делах познания она не заботится, нерадит и о других добродетелях. Мы не хотим сказать этим, что самая добродетель в ней претерпевает какой-либо ущерб; добродетель не может хворать. Но человек, которому свойственно и добродетельным быть, и болезни испытывать, тревожится и бывает подавлен острыми болями недуга.

Если твердость души не служит ему опорой, если он еще не воспитал в себе мужества, которое возвышается над несчастьем, то он теряет мир. Не в силах сопротивляться натиску беды, он обращается в бегство.

То же самое надо сказать и о бедности. И она лишает душу необходимого, я хочу сказать, отклоняет ее от созерцания и мешает хранить безупречную чистоту и безгрешность. Человека, который еще не посвятил всего себя Богу из любви к Нему, она вынуждает к трудам для пропитания тела. Напротив, доброе здоровье и обладание всеми вещами, которые необходимы для поддержания телесной жизни, развивают в душе свободу и независимость, если только она разумно пользуется земными благами. *Таковые*, — говорит апостол, — *будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль <...> А я хочу, чтобы вы были без забот <...> чтобы вы благочинно и непрестанно [служили] Господу без развлечения* (1 Кор. 7, 28; 32; 35). И все же необходимо заниматься и телесными потребностями, — не ради них самих, а для пользы тела. О теле же заботиться следует из-за души, с которой и все остальное связано. Эти побуждения и ревнителя истинно мудрой жизни заставляют учиться полезному.

Есть множество бесчинных удовольствий; отсюда следует, что удовольствие еще не есть благо, [иначе благо могло бы оказываться злом, а зло — благом]. Но из того, что есть удовольствия, которых мы ищем, и другие, которых избегаем, не тем более ли следует, что не всякое удовольствие есть благо?

То же самое, что и об удовольствиях, должно сказать и о скорбях. Одни из них мы претерпеваем, других избегаем, и в том и в другом руководствуясь знанием. Но отсюда снова следует, что истинное благо заключается не в удовольствии, а в познании, руководствуясь им, мы одни удовольствия выбираем, а другие отвергаем.

Здесь и объяснение того, почему мученик из-за ожидаемых им радостей и божественного благоволения переносит страдания и скорби настоящей жизни.

Если жажду считать чувством мучительным, а утоление ее — удовольствием, то основой этого удовольствия будет предшествующее мучение. Но зло никогда не может быть причиной добра; следовательно, ни мучительное чувство жажды, ни удовольствие, происходящее от утоления ее, не есть зло. Так думали Симонид и Аристотель. И тот и другой писали, что «первое благо человека — здоровье; второе — симметрия и красота тела; третье — богатство, приобретенное законными путями». И мегарянин Феогнид говорит:

Чтобы избегнуть бедности, бросься, Кирн, в рыбообильное море;
Или же низвергнись с вершины высоких скал.

Напротив, по Антисфену — комику, «богатство ослепляет именно тех, которые кажутся зорче других». Вот и у поэтов повествуется о слепом от рождения:

И она ему родила мальчика, который никогда
Не видел света солнечного,

говорит халкидянин Эвфорион.

Богатство и жизнь чувственная,
Стоящая в связи с ним, — дурная школа;
Трудно воспитать в ней твердость душевную, —

говорит Эврипид в «Александре». Известны пословицы: «Бедности досталась [в подруги] мудрость из-за их сродства». «Сребролюбие завоевывает не только Спарту, но и всякий другой город». — «Истинное богатство смертных, — говорит Софокл, — не в золоте и не в серебре; ценнее их добродетель».

6. [Некоторые из источников блаженства]

Божественный Спаситель наш как бедность, так и богатство, а также и все им подобное причислил к вещам одновременно и духовным, и телесным. Он сказал: *Блаженны изгнанные за правду* (Мф. 5, 10), чем ясно показал нам, что ни в каком жизненном положении от мученичества отказываться не следует. Низведен ли был бы кто в бедность за правду — он свидетельствует, что правда, которой он предан, есть благо. Алчет ли и жаждет ли кто правды (ср.: Мф. 5, 6) — он доказывает этим, что правда есть высшее из благ. Подобным образом плачет ли кто из-за правды и скорбит (ср.: Лк. 6, 21; Мф. 5, 4) — он свидетельствует о превосходстве и красоте закона. Поэтому как преследуемых за правду, так и алчущих и жаждущих правды Господь одинаково называет блаженными, одобряя чистоту и искренность неутолимого желания. Да, если жаждут они правды ради нее самой, то они блаженны (Мф. 5, 6).

Блаженны же и нищие духом (ср.: Мф. 5, 3) или внешними благами — лишь бы это было по любви к правде. Не бедность вообще ради нее самой благословляет Господь, а ту бедность, что пренебрегает мирскими сокровищами из-за любви к правде, и ту, которая пренебрегает мирскими почестями, чтобы приобрести сокровище истинное. Поэтому Он называет блаженными и тех, кто, храня чистоту телесную и душевную, сохраняет чистоту нравов. Блаженны эти души, благородные и славные, которые из-за постоянного стремления к правде получили преимущество усыновления и вместе с ним воспринятую *власть быть чадами Божиими* (Ин. 1, 12), *по змеям и скорпионам ходить* (ср.: Лк. 10, 19), господствовать и над демонами, и над воинством супостата. И, вообще, жизнь по Господу отвлекает душу от тела, проникает ее благодарностью к Богу, добрыми расположениями и, сосредоточивая ее в самой себе, возносит в места иные. Нашедший душу свою потеряет ее, а потерявший обретет ее (Мф. 10, 39) — лишь бы только опирались мы своей брэнностью на вечность Божию. Воля же Божия в том, чтобы мы его зна-

ли; чрез это мы становимся причастниками Его вечности. Кто при свете покаяния усматривает пятна на своей душе, тот губит ее для греха, вырывая из Его объятий для жизни. Но, погубив свою жизнь послушанием Богу, он снова обретает ее, ибо чрез веру в ней возгорается новая жизнь (Рим. 6, 4; 2), а для греха она умирает. Итак, это обретение своей души равнозначно самопознанию.

Стоики говорят, что это обращение души к вещам божественным происходит вследствие некоего в ней поворота, ибо она от греха обращается к мудрости. По Платону же, «душа в этом случае после блуждания по сфере, где господствует лишь слабое мерцание дня, возносится в область высшего света». И другие философы признают, что для человека честного лучше покинуть эту жизнь, чем отказаться от своего образа мыслей и действий, если все способы жить в согласии с ним настолько затруднены, что нет надежды на более славный исход. Что же касается судьбы, пытающегося силой вынудить отречение от Возлюбленного, то мне кажется, лучше было бы ему выяснить, кто поистине друг Божий, а кто нет. Поэтому и не может быть никаких колебаний в том, кому повиноваться — угрозе людской или любви к Богу.

И воздержание от злых дел в некотором смысле равносильно ослаблению и погашению порочных склонностей, ибо отречение от образа действий, который они подсказывают, само собой разумеется, уничтожает их влияние. Именно таков смысл слов: *Продай имение твое и раздай нищим и приходи, следуя за Мной* (Мф. 19, 21), т. е. исполняй заповеданное Господом. Некоторые со словом *имение* соединяют понятие обо всем инородном содержании души. Но как можно раздать его бедным, эти толкователи объяснить не в силах. Бог же все раздает согласно достоинству каждого, ибо Его домостроительство справедливо. «Итак, пренебрегая богатствами, — говорит [Господь], — которые Бог раздает через твое великодушие, следуй сказанному Мной, устремляясь ввысь по пути духа. Не ограничивайся лишь воздержанием от зла, но продвигайся в совершенствовании себя, подражая благодеяниям Божественным». Так, пристыжая хвалившегося исполнением всех заповедей закона, а к ближнему своей любви не проявившего, Господь вместо рабского исполнения закона заповедует любовь, которая при восхождении в истинном познании, возвышаясь и господствуя над субботой (Мф. 12, 8, 12; Мк. 2, 28; Лк. 6, 6 сл.), проявляется в благодеяниях.

К Логосу — Спасителю же, я полагаю, надо приходиться не под страхом наказания и не в ожидании какого-либо даяния, но ради превосходства добра как такового. Поступающие так встанут справа от святыни; надеющиеся же раздачей тленных имуществ приобрести нетленные в притче о двух братьях названы наемниками (Лк. 15, 17).

И не следует ли из выражения «по подобию и образу» (ср.: Быт. 1, 26), что все, сообразующие свою жизнь с жизнью Господа, подоб-

ны Ему, а находящиеся слева от святыни лишь образ Божий носят, а делами на Господа не похожи? От древа истины произрастают две ветви, [привитая и непривитая]; корень один, но далеко не безразлично, какую из них выбрать; лучше же сказать, что различие способов выбора (т. е. со знанием дела или наобум) делает ощутимым различие ветвей. Иное дело — попробовать яблоко, и иное — посмотреть на него. Выбор, сделанный по чужому примеру, сильно отличается от опирающегося лишь на голос собственного рассудка; иное дело — огонь живой, и иное — отраженный. Так Израиль, согласно Писанию, есть свет «по подобию»; другие же народы только «образ» [Божий] в себе носят.

Что хочет Господь сказать притчей о Лазаре, где предстают очам нашим образы богача и бедняка (Лк. 16, 19 сл.)? Что означают также и эти слова: *Никто не может служить двум господам — Богу и маммоне* (ср.: Мф. 6, 24; Лк. 16, 13)? И там и здесь Господь говорит о беспорядочной любви к собиранию богатств. Не видите разве, что люди, привязанные к ним, не являются и на пир, куда были приглашены (Мф. 22, 2 сл.; Лк. 14, 16)? И не потому не явились, что были имущими и богатыми, но потому, что оказались слишком заняты имуществом и поработены своим богатством.

И в изречении: *Даже лисицы имеют норы* (ср.: Мф. 8, 20; Лк. 9, 58) — Господь называет лисицами людей, все занятие которых состоит лишь в выкапывании и зарывании золота; вот род прелюбодейный, истинные сыны земли. В этом же смысле Он сказал и об Ироде: *Отправляйтесь и скажите этой лисице: вот я изгоняю демонов и совершаю исцеления сегодня и завтра, и в третий день кончу* (Лк. 13, 32). Напротив, тех, кто небом отличен от других птиц, кто поистине чист и всегда готов направить свой полет к познанию небесного Логоса, Он называет *птицами небесными* (Мф. 8, 20; Лк. 9, 58).

Бесчисленные заботы порождает не только богатство, не только слава и брак, но и бедность, если кто не умеет переносить ее. В притче о семени, павшем на почву четырех различных свойств, под тернием и местами каменистыми разумеются тревоги и заботы, заглушающие семя и не дающие ему прорасти, развиваться и принести плод (Мф. 13, 7; 22; Лк. 8, 7; 14). Итак, необходимо учиться, как устоять в различных невзгодах, чтобы жизнь, проникнутая мудрой благопристойностью и определяемая познанием, была для нас средством к достижению жизни вечной. *Видел я, — говорит Писание, — нечестивца превозносящегося и высающегося, как кедр Ливанский, я прошел мимо, и вот, его не было; поискал его и не обрел места его. Храни непорочность и ищи правду — вот, что остается от человека, живущего в мире* (Пс. 36, 35—37). Таков человек, чья вера искренна, а душа всегда покойна.

Народ иной чтит [Бога] устами, сердцем же своим далеко отстоит от Господа (ср.: Ис 29, 13); *устаami своими благословляют,*

сердцем же своим клянут (ср.: Пс. 61, 5); возлюбили Его в устах своих и в языке своем солгали Ему; сердце же их не [было] открыто перед Ним и вверено завету Его (ср.: Пс. 77, 36—37). Да будут немы лживые уста, произносящие беззаконие на праведника (Пс. 30, 19). И вновь [говорит]: *Истребит Господь все уста лживые и язык велеречивый — тех, кто сказал: «Язык наш прославим, уста наши остаются при нас — что нам Господь? Ради страдания нищих и стенания убогих ныне восстану, говорит Господь, уготовлю Себя во спасение, не обинуясь изреку о нем. Христос [— Господь] смиренномудрых, а не восстающих на Его стадо. Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и <...> воры подкапывают и крадут* (Мф. 6, 19), — говорит Господь, желая пристыдить отчасти тех, кто привержен к богатству, а отчасти и предающихся суете и заботам; наконец, быть может, и тех, кто чрезмерно любит свое тело. И действительно, плотские и любострастные пожелания, болезни, дурные мысли, проникая в сокровенные изгибы нашего сердца, подкапывают и разрушают всего человека. Истинное наше сокровище находится там, где через познание находим мы божественных сродников нашей души, ибо праведности свойственна и склонность к общению, вследствие которой она отказывается от жизни ветхой (Еф. 4, 22) и возвращает этой жизни то, что в ней приобретено; сама же она восходит к Богу, моля Его о милосердии. Вот поистине *влагалища неветшающие* (Лк. 12, 33); *расхожие деньги на пути к жизни вечной*; вот *сокровище неоскудевающее на небе* (ср.: Лк. 12, 33), потому что, *милуя, помилую того, кого милую* (ср.: Исх. 33, 19; Рим. 9, 15), говорит Господь. Эти последние слова относятся также и к тем, кто желает нищенствовать ради правды; они знают слово, что *широкий и пространный путь ведет в погибель и много тех, кто идет им* (ср.: Мф. 7, 13). Не о чем другом, как о распутстве, о женолюбии, о страстном стремлении к славе, к власти и других подобных страстях говорит здесь Господь. *Безумный, — говорит Он, — ибо в эту ночь возьмут душу твою у тебя; а то, что ты заготовил, кому будет?* (ср.: Лк. 12, 20) И далее прямо по заповеди: *Итак, берегитесь всякого любостяжания, ибо жизнь кого-либо не в изобилии его имущества* (ср.: Лк. 12, 15). *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою* (Мф. 16, 26)? *Посему говорю: Не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, что надеть. Ибо душа больше пищи, и тело — одежды* (ср.: Лк. 12, 22—23). И опять: *Знает Отец ваш, что имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства небесного и правды, ибо это великое, а то — малое, то, что относится к средствам жизни, приложится вам* (ср.: Мф. 6, 32—33; Лк. 12, 30—31). Не к жизни ли по истинной мудрости здесь ясно призывает нас Господь? Не убеждает ли Он нас этим оставаться и на словах и на деле верными истине? Он, Христос, божественный Воспитатель нашей души,

богача ценит не за великость дара, а за доброе произволение. Поэтому Закхей, а по мнению других — Матфей, начальник мытарей, услышав, что Господь намерен войти в его дом, сказал: *Вот половину имущества моего отдам на милостыню, Господи, и если кого чем обидел, возвращу вчетверо*. Поэтому и Спаситель о нем сказал: *Сын Человеческий, придя ныне, погибшее обрел* (ср.: Лк. 19, 8—10). В другой раз, увидев богача, опустившего в сокровищницу дар, соответствовавший его богатству, и вдову, которая положила туда две лепты, Он сказал, что вдова положила больше всех, потому что один дал от избытка, а другая — от скудости (Лк 21, 1—4; Мк. 12, 41).

А так как все Господом направлено к воспитанию нашей души, то Он говорит: *Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю* (Мф. 5, 5). Кто эти кроткие? Те, кто укрощает поднимающиеся в душе опасные бури — гнев, похоть и другие сопутствующие им страсти. Не ту кротость хвалит Он, которая есть дочь необходимости, а ту, основание которой полагает собственная наша воля и доброе произволение. Действительно, у Господа и наград, и обителей много (Ин. 14, 2) — сообразно нашей жизни на земле. *Кто примет пророка, — говорит Господь, — во имя пророка, получит награду пророка; и кто примет праведника во имя праведника, получит награду праведника* (Мф. 10, 41); а кто примет одного из учеников сих малых, не потеряет награды (ср.: Мф. 10, 42). В другой раз Господь неравным количеством часов обозначает различные степени добродетели, соразмеряя с заслугами каждого и величие ожидающих его наград. К тому же равенством награды, обещанной каждому работающему в винограднике, т. е. спасением, обозначенным здесь через динарии, Спаситель устанавливает равное право на нее всех работников; а различие званных — через разное количество отработанных часов (Мф. 20, 1 сл.). Будучи пособниками неизреченного домостроительства и божественного дара, избранные трудами своими, следовательно, должны соответствовать обещанным наградам, делаясь достойными небесных обителей. «Призванные же, — говорит Платон, — превосходят других людей святостью своей жизни, по освобождении из дольних этих мест, как бы из темничных уз, возносятся в небесные жилища». То же самое, но еще яснее он выражает и в следующих словах. «Среди этих людей, — говорит он, — те, кто достаточно очищен философией, во все последующее время живут совершенно бестелесно, будучи облечены одни — в тела воздухообразные, другие же — в огненные». К этому Платон прибавляет: «И они приходят в жилища еще более славные, красоту которых нелегко изобразить, да и времени для этого не достало бы»¹. Поэтому справедливо сказано: *Блаженны плачущие, ибо они будут утешены*. Ибо печальющиеся о своей прошлой дурной жизни и раскаивающиеся

¹ «Федон», 114С.

во грехах ее тотчас приходят на этот зов. Поэтому можно сказать, что они и «призываются», т. е. что утешение будет в призывании их. Есть два рода кающихся: одни — и таких большинство — каются из страха наказания, которое они заслужили; другие же — и число их очень невелико — из чувства внутреннего стыда, который пробуждается в их душе голосом совести. К покаянию можно прийти любым из этих путей, потому что нет места, которое укрылось бы от Божественного милосердия.

Господь говорит еще: *Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут* (Мф. 5, 7). Милосердие же это не есть, как думали некоторые из философов, печаль при известии о каком-либо несчастье, а скорее, как говорят пророки, нечто изысканное. *Милости хочу*, говорит Господь, *а не жертвы* (Ос. 6, 6; Мф. 9, 13). Он называет милосердными не только тех, кто занят делами милосердия, но и тех, кто желал бы быть милостивым, но не имеет средств для этого, т. е. расположенных к милосердию. Нам и в самом деле часто хочется оказать кому-либо милость или денежным пособием, или через телесный труд; хотелось бы, к примеру, помогать бедным, ухаживать за больными, навещать несчастных; но мы своих благочестивых намерений не можем привести в исполнение, потому что мешает либо бедность, либо болезнь, либо старость, которая есть та же болезнь. Желание нас побуждает, но каким-нибудь препятствием исполнение его затрудняется. Однако воле нашей в этом случае воздается такая же почесть, как и власти; она здесь равна самой себе, отличаясь от последней лишь тем, что та имеет способы действовать.

Так как к совершенству спасения есть два пути — дела и познание, то Господь сказал: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5, 8). Если внимательно вдуматься, то познание есть очищение правой части души; и очищение это, конечно, есть нечто доброе. Между делами добрыми одни добры сами по себе, другие же — по их связи с делами добрыми; так говорим мы о добрых отношениях. Без вещей посредствующих, относящихся к разряду вещественных — например, без здоровья, жизни и других вспомогательных средств, насущно необходимых или только вспомогательных, поистине не может быть ни доброе дело, ни злое. Господь желает поэтому, чтобы мы к познанию Бога приступали с сердцем чистым от плотских пожеланий, с умом, всецело занятым святыми мыслями, чтобы в господственной части нашей души не было ничего чуждого и препятствующего действию Его благодати. Итак, когда ученик истины, будучи погружен в созерцание, входит в чистое общение только с Богом, то он премудро становится участником божественности, все более отождествляется с Богом; он уже не занят наукой, не выбирает познавательных средств, но сам становится наукой и познанием.

Итак, *блаженны миротворцы* (Мф. 5, 9), смягчающие и укрощающие закон, который враждует с расположением нашего ума (ср.:

Рим. 7, 23), т. е. угрозы гнева, приманки похоти и всякие страсти, столь возмущающие разум. Проводя жизнь среди добрых дел и согласно истинному разуму, всецело в нас погруженные, они будут восстановлены в наивожделеннейшем для них усыновлении. Полным же умиротворением считается то, которое среди всех земных превратностей сохраняет неизменную твердость духа, исповедует, что Провидение вовеки свято, всегда дивно, являет вещи божеские и человеческие как они есть и даже в бедствиях, по видимости нарушающих порядок природы, открывает прекрасную гармонию творения. Миротворцы успокаивают и тех, кто обуревается грехом и претерпевает его нападения; они возвращают их к вере и восстанавливают в душе их мир.

И все же средоточием всех добродетелей является Господь, Который учит нас еще более мудрому пренебрежению смертью из любви к Богу: *Блаженны*, — говорит Он, — *гонимые за правду, ибо они сынами Божиими нарекутся* (ср.: Мф. 5, 10) — или, как исправляют некоторые [из толкующих] Евангелия¹: «Блаженны гонимые за правду, ибо они будут совершенны», а также: «Блаженны гонимые ради Меня, потому что они обретут место, где не будут гонимы». И еще: *Блаженны вы, когда возненавидят вас люди, когда отлучат, когда пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого* (ср.: Лк. 6, 22). Впрочем, нужно соблюдать необходимые для этого условия: не гнушаться наших преследователей, оставаться твердыми среди страданий, равно как и ненависти не питать к тем, кто причиняет их нам. Утешаться же мы должны той мыслью, что испытание посетило нас все же позднее, чем ожидали. Будем же твердо убеждены, что в основе всякого искушения, какое бы нас ни постигало, лежит мученичество и дается случай к исповедничеству.

21. [О совершенном христианине, или истинном мудреце]

Итак, я утверждаю, что совершенства можно достичь различным образом, смотря по природе избранной добродетели. Можно совершенствоваться в благочестии, в терпении, чистоте, благоговении, в исповедничестве и познании. Но дано ли кому, пока он остается одновременно человеком, достигать совершенства в каждой из этих добродетелей, я не знаю — разве только Тому, Кто ради нас воспринял человеческую природу, чтобы воплотить в Себе это великое преимущество. Ибо кто из людей в глазах закона должен считаться совершенным? Тот, кто мог бы похвалиться непричастностью к какому бы то ни было злу. Но это путь, ведущий к Евангелию и ко всякого рода добродетелям. Поэтому совершенством истинной мудрости для каждого человека, живущего под законом, будет вера в Евангелие. Только она возводит подзаконного к совершенству. Вот почему Моисей, живший под властью Ветхого закона, и предвозве-

¹ Подразумеваются толкователи из еретиков, в частности Маркион.

стил, что нужно повиноваться этим древним постановлениям для того, чтобы принять Христа (Втор. 18, 15; Деян. 3, 22; 7, 37), Который, по апостолу, есть полнота закона (Рим. 10, 4). Истинный мудрец скоро приходит к этой вере в Евангелие, и не потому только, что закон служит ему ступенью к восприятию этого нового закона, но и потому, что он так пользуется законом и так понимает его смысл, как он изъяснен был апостолам самим Господом, Виновником обоих заветов.

Невозможно, чтобы истинный мудрец медленно подвигался в добре, ибо он устрояет свою жизнь мудро. Сверх того, свидетельствуя о Боге своей безупречной жизнью, он оказывается и мучеником, и притом по любви [к Богу]. Этим исповедничеством он приобретает и ту высшую славу, какая только возможна среди людей. Но, несмотря на все эти заслуги, он все-таки не может считаться совершенным, покуда заключен в это тело. Этого священного имени истинно мудрый свидетель о Христе достигает лишь в конце жизни, ибо только тогда ему представляется случай выказать свою веру совершеннейшим делом и в великий день Суда увидеть совершенство своих трудов, а также и следствия их. Поддержанный милосердием Божиим, просвещенный божественной мудростью, он запечатлевает свое самоотвержение кровью и, истекая ею, испускает дух, полученный от Бога. Отныне он блажен и по праву считается совершенным, *чтобы преизбыточная сила была [приписываема] Богу, а не нам* (2 Кор. 4, 7). Спасаемся мы, с одной стороны, только добрым своим произволением в выборе, и с другой стороны, милосердием божественным. *Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибам* (2 Кор. 4, 8—9). Нужно, продолжает апостол, чтобы стремящимся к совершенству никому ни в чем не служить соблазном, но чтобы они во всем (ср.: 2 Кор. 6, 3 сл.) оказывались достойными одобрения не только от людей, но и от Бога (ср.: Кол. 3, 23). Следует добавить: и чтобы они были послушны людям; это требует рассудительность ввиду насилий и проклятий, которые на себя навлекают непокорные. *Слава наша [не в непослушании, а] в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в познании, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией* (2 Кор. 6, 4—6), чтобы быть нам храмами Бога, очищенными от всякой скверны плоти и духа (2 Кор. 7, 1). И Я, продолжает [апостол именем Божиим], *прииму вас и буду вам Отцом и вы будете Моими сынами и дочерьми, говорит Господь Вседержитель* (2 Кор. 6, 17—18). Итак, *будем совершать освящение*, — говорит апостол, — *в страхе Божием* (ср.: 2 Кор. 7, 1). Ибо хотя страхом и порождается печаль, но я *радуюсь*, говорит он же, *не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к*

покаянию, ибо опечалились ради Бога, так что нисколько не понесли от нас никакого вреда. Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть. Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие, какие извинения, какое негодование, какой страх, какое желание, какую ревность, какое взыскание! По всему вы показали себя чистыми в этом деле (2 Кор. 7, 9—11). Такова подготовка к деятельности на поприще истинной мудрости. Но так как Вседержитель Бог сам поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова (Еф. 4, 11—13), то мы должны стремиться к этому мужескому возрасту через познание и улучшать себя, хотя и облечены еще плотью, чтобы при возникающем отсюда всецелом единомыслии заботиться о соединении своей воли с волей божественной для восстановления нашего поистине высшего благородства и единства в «полноте Христа» — наивысшем совершенстве. Мы понимаем теперь, отчего, как и когда, согласно божественному апостолу, человек бывает совершенен и чем, по его мнению, друг от друга разнятся совершенные. Каждому дается проявление Духа на пользу: одному дается Духом слово мудрости, другому — слово знания тем же Духом; иному — вера, тем же Духом; иному — дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному — пророчество, иному — разные языки, иному — истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как ему угодно (1 Кор. 2, 7—11). При таком Управителе пророк совершенен в своем пророчестве, праведник — в своей праведности, мученик — в кровавом своем свидетельстве о Христе, другие же — в проповеди о Нем. Мы не хотим сказать, что они не заняты обычными добрыми делами, но подразумеваем, что они наилучшим образом показали себя в добродетели, к которой призваны Богом. Кто же из здравомыслящих может сказать, например, что пророк действует не по правде? Но и праведным, равным образом, не свойственен ли, как и Аврааму, дар пророчества? Как сказал Гомер:

Одному Бог даровал опытность в бранных делах,

Другого наделил даром плясать;

Этого — искусством играть на кифаре, иного — нет

(Илиада, XIII, ст. 731, 732).

Но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе (1 Кор. 7, 7). Апостолы же исполнены были всеми дарами. Если захочешь, то из «Деяний» и писаний их усмотришь, что свойственны им были и знание, и добродетель, и дар проповедания, и непорочность, и дар пророчества. Нужно, однако, заметить, что хотя

Павел и близок к нам по времени (ибо он явился только после Вознесения Спасителя), но его послания имеют тесную связь с ветхозаветными. В них он черпает свое вдохновение, их выражениями говорит. Ибо закон истолковывается и пополняется верой во Христа и знанием Евангелия. Потому и говорится евреям: *Если не уверуете, не уразумеете* (Ис. 7, 9), т. е. если не будете веровать в Того, Чье пришествие предсказано и прообразовано в законе, то и Ветхого Завета не уразумеете, потому что Спаситель Своим воплощением объяснил его.

22. [Образ мыслей и действий истинного мудреца не должен определяться ни страхом наказания, ни надеждой на награду, но лишь любовью к доброму и прекрасному]

Итак, истинному мудрецу свойственны рассудительность и дальновидность. Он не ограничивается воздержанием от зла; это — лишь ступень к высшему совершенству, но и добру предан он не из страха. Написано: *Куда убегу и куда скроюсь от лица Твоего? Взойду ли на небо, Ты там. Отойду ли на край моря, и там десница Твоя. Сойду ли в бездны, и там Дух Твой* (Пс. 138, 7—10). И не ради обещанной награды добродетелен мудрец, ибо сказано: *Вот Господь и награда Его от лица Его, чтобы воздать каждому по делам его*¹ (ср.: Ис. 40, 10; 62, 11; Пс. 61, 13; Откр. 22, 12; Рим. 2, 6). *Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). Что же побуждает его к действию? Не добрые ли дела, укорененные в любви? Не добро ли, предпочитаемое ради красоты его и ради него самого? Не самим ли Богом [Отцом] сказано Сыну: *Проси и дам Тебе народы в наследие* (Пс. 2, 8). Вот просьба, поистине достойная царя. Она и нас научает просить Царя вселенной о даровании человечеству спасения без всяких с его стороны заслуг, дабы всем нам стать наследием Господа и достоянием Его. Напротив, не в обычае мудреца стремиться к познанию Бога ради какой-либо выгоды — чтобы что-то произошло, а этого чтобы не случилось. Ему не нужно иной цели созерцания, кроме самого созерцания. Смею утверждать, что человек должен стремиться к познанию Бога не из желания спастись, но ради божественной красоты и величия, святости, превосходства и сверхъестественности самого этого знания. Поистине так. Разумение вследствие постоянного упражнения в нем становится началом определяющим. Постигание бесконечное, постоянное, деятельность последовательная, неослабная, непрерывная — вот сущность мудреца. И эта никогда не замирающая созерцательная деятельность становится в нем оживляющим его сущностным началом. Предположим, что мудрецу предложен выбор между богопознанием и вечным спасением. Положим, что два эти дела, на самом деле

¹ Цитата из 1 Послания Климента Римского к коринфянам (34, 3).

неразделимые, оказались вдруг разделены. Ни мгновения не колеблясь, мудрец выберет богопознание. Он рассудил бы при этом, что всегда и во всем следует отдавать предпочтение силе самой по себе, в настоящем же случае — неотделимому свойству веры приводить к познанию через исполнение любовью. Первым началом доброй деятельности человека совершенного будет действие, совершаемое не ради блага. Коль скоро он рассудил, что добродетель есть нечто прекрасное и достославное, пламенное стремление его души постоянно и действительно побуждает его к добру ради самого добра. Его не увидишь сегодня добродетельным, а завтра преступным или безучастным к добру; путь его точен и утвержден в добре непреложно.

С другой стороны, он устраивает свою жизнь по образу и подобию Божию не для стяжания славы или известности и не ради награды от Бога или от людей, как утверждают философы. Если же случится, что за добро ему отплатят злом, то он, забывая обиду, отбрасывает мысль о воздаянии злом за зло, как и всякую другую недолжную мысль, памятуя, что и Господь благ и правосуден и к злым, и к добрым, и к праведным, и к неправедным (Мф. 5, 45). К тем, кто одушевлен этим чувством, Господь обращается с таким словом: *Будьте [совершенны], как и Отец ваш совершен* (ср.: Мф. 5, 48). Для мудреца плоть уже умерла; только он один еще жив в ней (Гал. 2, 20). Это самопогребение в себе служит ему основанием храма, посвященного Господу (1 Кор. 3, 17), в котором душа его, прежде поработанная греху, возносится к Богу. И нельзя уже про него сказать: «он воздержен», ибо он достиг такой бесстрастности, что ожидает лишь облечения себя в Божественный образ.

Когда творишь милостыню, говорит Господь, пусть никто не знает об этом (ср.: Мф. 6, 2—4). И когда постишься, умастись, чтобы один Бог знал (ср.: Мф. 6, 16—17), из людей же никто. Но милосердный и сам не должен знать о своем милосердии (Мф. 6, 3); иначе он будет порой милостив, порой нет. Когда же милостыня будет раздаваться им по навыку и расположению к ней, он сблизится с добром уже и по самой своей природе. Не дадим в душе места напыщенной надежде, что намеченная цель достигается однократным устремлением ввысь; достигается она лишь смиренным хождением по земле; нужно пройти шаг за шагом здешний узкий путь (Мф. 7, 13—14). Когда же Писание говорит, что Отец привлекает [к Сыну] (Ин. 6, 44), то эти слова побуждают трудиться, дабы Бог удостоил нас силы и действия благодати, позволяющей беспрепятственно восходить по нелегкому пути добродетели.

Если случается, что избранный терпит ненависть от людей, то, зная их неведение, он сожалеет о непросвещенности их разума. Не без причины познание, оживотворенное любовью, учит невежд и наставляет в каждой твари уважать творение Вседержителя. Если мудрец научился любить Бога, то добродетель его с тех пор нисколько не оскудевает — ни во сне, ни наяву, ни от какой-либо внешней

причины. Ибо что сделалось существенной принадлежностью его духа — будь то знание или, если угодно, внутреннее расположение, — то не может отпасть от условия своего существования; ведь господственная часть души оттого, что она никогда не живет чужими мыслями, в своем действии неизменна и ничего не принимает из проходящих перед нею изменчивых форм; даже и во сне не преследует она образов, тревожащих того, кто стремится к ним днем. Вот почему Господь и заповедует нам бодрствовать (Мф. 24, 42), чтобы наша душа никогда, даже во сне, не одолевалась страстями. Его воля в том, чтобы образ нашего бытия и во время ночи так же был упорядочен, как и во время дня, и чтобы мы и сон свой хранили чистым и непорочным. Богоподобие достигается (насколько это в наших силах) поддержанием в духе постоянного расположения к названным вещам. Таково уж свойство духа, поскольку он дух, что причиной его изменчивости и уклонений является слишком сильное воспламенение от вещественных причин. Вот причина, почему эллины называли ночь «доброй советницей», ибо в эту пору душа, освободившись от власти чувств, входит в самое себя, чтобы полностью отдаваться здесь внушениям мудрости. Вот почему и мистерии справляются чаще всего ночью как бы ради той сосредоточенности, которую производит в душе отрешение от тела во время мрака. *Итак, не будем спать, как и прочие, но будем бодрствовать и трезвиться, ибо спящие спят ночью и упивающиеся упиваются ночью. Мы же, будучи [сынами] дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви, и в шлем надежды спасения* (1 Фес. 5, 6—8).

То, что говорилось о сне, может быть сказано и о смерти. И тем и другим состоянием изображается самоуглубление души; смерть есть полный его образ, сон — ослабленный. И Гераклит, если спросить его, даст нам такой же урок: «Человек — свет в ночи: вспыхивает утром, угаснув вечером. Он вспыхивает к жизни, умерев, словно как вспыхивает к бодрствованию, уснув». Поистине блаженны, по слову апостола, те, кто видел Господа, *потому что наступил уже час проснуться вам от сна. Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали. Ночь прошла, а день приблизился. Итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света* (Рим. 13, 11—12). Апостол метафорически называет Сына именем дня и света, а заповеди, по другой метафоре, *оружием света*. Вот почему нам заповедано приступать к престолу для жертвоприношения и молитвы очищенными и блестящими [по внешнему виду], т. е. одетыми в богатую одежду. Поэтому быть извне убранным и очищенным заповедано ради прообраза, «а [истинное] очищение в том, чтобы помышлять святое»¹, и оно-то и было образом Крещения, и от Моисея [предание об этом] перешло к стихотворцам в таком, например, виде:

¹ Заключительный стих эпиграммы, найденной в дохристианские времена в афинском святилище Эпидавра.

Омытая и облаченная в чистую одежду

(Одиссея, IV, 750),

Пенелопа отправляется [в храм] для молитвы. Телемах же,

Омыв руки в пенистой пучине, Афине взмолился

(Там же, II, 261).

У евреев также был обычай очищаться каждый раз после соития. Полны мудрости эти слова:

Не водой, а духом будь чист.

Совершенной чистоты достигает, я полагаю, тот, кто душой чист, чьи дела безупречны, чьи мысли непорочны, чьи слова, как солнце, ясны, чья душа остается девственной и во сне. Для человека, наверное, достаточно и того очищения, каким служит искреннее и твердое покаяние, когда, осуждая себя за прежние греховные деяния, мы начинаем жить лучше, просвещаясь в своем разумении и освобождая душу из-под глыб чувственных удовольствий и предшествовавших грехов. Если бы мне нужно было объяснить происхождение слова «наука», то я обратил бы внимание на составную часть его, слово, которым обозначается покой, потому что наука останавливает наше внимание, до той поры изменчивое и нерешительное, на сущности вещей. То же самое слово является и составной частью слова «вера», ибо вера действительно есть упокоевание души [на том, что подлинно существует]. Мы, [христиане], всегда стремимся узнать правду относительно всякого дела; если дело хочет оставаться вечно праведным, то не должно оно бояться ни наказаний, которыми грозит закон, ни ненависти окружающих или мщения за добродетель, ни трепетать пред опасностью, в которую ввергают его преступление и низость. Воздержание от неправды в силу названных побуждений означает добродетель из страха, а не по предпочтению добра всему остальному.

Эпикур говорит, что тот, кого он считает мудрецом, никогда не решится совершить какую-нибудь несправедливость, несмотря на все выгоды, какие он мог бы извлечь отсюда, ибо он никогда не будет уверен, что несправедливость его останется тайной. Итак, Эпикур, мудрец твой мог бы совершить зло, знай он точно, что оно никогда не откроется! Таково-то твое учение. Оно — тьма. Нет, если будешь удаляться от неправды даже и ради наград, назначенных Богом за добрые дела, то и тогда не засвидетельствуешь еще своей добровольной расположенности к добру. В первом случае праведность порождается страхом, а во втором — наградой, но даже не праведность, — ошибся я! — а только тень праведности. Надежда же на посмертное воздаяние добром для благих и злом для злых свойственна не только тем, кто следует варварской [еврейской] философии, но и пифагорейцам. Они содержат такое же учение, ибо именно такую надеж-

ду ставят целью для тех, кто предан их философии. Сократ говорит в «Федоне», что «души людей добродетельных оставляют мир этот с надеждой на блаженство». Потом, осуждая злых, говорит противоположное: «Они живут, ожидая себе злого воздаяния». Гераклит в своем рассуждении о человеке говорит то же, что и Сократ: «Людей ожидает по смерти то, на что они не надеются и о чем не думают». Следовательно, апостол был вдохновляем Богом, когда писал к римлянам: *От скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает* (Рим. 5, 3—5). Итак, через надлежащую надежду — терпение; надеждой же именуется и ожидание воздаяния, и восстановление [в сыновнем достоинстве], которое и *не постыжает*, и не порицается. Человек, следующий своему призванию ради него самого, стремится к познанию не под действием страха и угроз и не ради удовольствий. Он не выясняет, будет ли его деятельность иметь благотворные последствия и доставит ли она ему удовольствие, но воздает Богу подобающее Ему почитание, увлекаемый любовью к тому, что и в самом деле достойно любви, и следуя лишь своему долгу. Допусти, если хочешь, что Бог позволил ему безнаказанно следовать запрещенному, что ему обещано блаженство за нарушение закона и что дела его, хоть это и невозможно, остались бы Богу неизвестными; он и тогда не согласится допустить в своих действиях чего-либо противоразумного. Как только он познает что-либо как само по себе истинно прекрасное и желательное, он и стремится к нему как к достойному любви и стремления. Истинное благо и вправду заключено не в одном лишь поддержании и питании тела. Мудрец знает, что Богу угодными делает нас не пища (1 Кор. 8, 8), не брак и не безбрачие, соблюдаемое вследствие заблуждения разума, а добродетель, исходным своим началом имеющая свет и мудрость. Если же это не так, то и собаке, животному неразумному, следует приписать добродетель умеренности, потому что и она не дотрагивается до пищи, когда занесена над ней палка хозяина. Отмени обетования для добродетельных; устрани страх, им грозящий, и опасность, висящую над их головами, и увидишь, что у них в душе.

23. [Истинный мудрец, насколько от него зависит, воздерживается от всего, что льстит чувственности, и жертвует благами низшего рода для высших]

Люди, отклоняющиеся от истинного образа мыслей, не вникают в существо вещей, если не хотят в согласии с природой и голосом разума признать, что все созданное для нашей пользы хорошо; что прекрасны и брак, и рождение детей, если все это сопровождается рассудительностью и воздержанием от страстей. Но еще лучше полное освобождение от страстей ради уподобления Богу. Хорошо освоиться с добродетелью и сжиться с ней. Люди превратного образа мыслей от одних вещей внешних воздерживаются, от других же —

никоим образом. Но с ними происходит и нечто худшее. Это воздержание от некоторых вещей и отвращение к ним заставляет их клеветать и на тварь, и на Творца; на первый взгляд, это образ мыслей благочестивый, на самом же деле он нечестив в самых основах. Заповедь: *Не желай* — не нуждается ни в подкреплении ее устрашением, которое вынуждало бы воздерживаться от того, что приятно чувственности, ни в привлечении к тому наградой, побуждающей обуздывать в себе преступные пожелания. Не соблазняющиеся приманками плотских утех воздерживаются от них вовсе не ради заповеди как таковой, а ради обетования, ради благ, обещанных тем, кто избрет послушание и будет повиноваться Богу. Ибо поистине даже и за отвращением от вещей чувственных еще не следует непременно обращение к умозрительному. Внимание к вещам, постигаемым лишь разумом, само собой, отвлекает мудреца от чувственного; чрез выбор того, что прекрасно, он с полным сознанием избирает добро; он удивляется тайне рождения и чтит ее, храня нерушимо закон Создателя; но он чтит и свято блюдет также и приближающее нас к Богу уподобление Ему. Он говорит: «Господи, я хочу быть свободным от пожеланий, чтобы теснее соединиться с Тобой. Устройство этого мира прекрасно и законы, управляющие творением, полны мудрости. Ничто не происходит здесь без причины. Необходимо было, о Вседержитель, чтобы я жил среди дел рук твоих. Но, находясь среди них, я пребываю в Тебе. Да удалится от меня страх, чтобы мог я приближаться к Твоему величию. Доколе остаюсь здесь, на земле, я желаю довольствоваться малым, стараясь подражать правосудию твоего избрания, которое истинное добро отличает от мнимого».

Из святейших и таинственнейших учений апостола мы научаемся, какой выбор поистине угоден Богу. Этот выбор, по его учению, состоит не в том, чтобы отречься от известных вещей, как если бы они были дурные, а более в том, чтобы чтить другие, более ценить высшие блага, несравнимые с вещами обыкновенными. Вот, например, подлинные его слова: *Посему выдающий свою девицу замуж поступает хорошо, а не выдающий поступает лучше* (1 Кор. 7, 38) *для благочинного и непрестанного [служения] Господу без развлечения* (1 Кор. 7, 35). Мы научены, что вещи трудно приобретаемые не являются необходимыми, между тем как вещи необходимые милосердием Создателя даны нам как бы в руки. Демокрит поэтому был прав, когда говорил, что природа и учение — вещи почти тождественные. В немногих словах мы выясним здесь и причину этого. Учению поистине свойственно слагать, образовывать и упорядочивать человека; оно упорядочивает его так же, как настраивают инструмент. Вводя же в человека строй и согласие, учение создает в нем новую природу. И в этом смысле безразлично, как происходит в нем это преобразование в нового человека, бывает ли оно делом естественным, изменяется ли он в новый вид от времени или же от усвоения известного учения. И то и другое равно происходит от Господа;

одно исходит от Него как от Творца мира, другое истекает от Него как от Восстановителя и Обновителя мира в новом с Ним завете. Выбирать же следует прежде всего то, что более всего одобряет главнейшая и благороднейшая часть человеческого существа; а ею является разум. Итак, если выбор находится под руководством разума, то истинно доброе окажется вместе с тем и приятнейшим, и избранные при этом дела и вещи уже сами по себе дадут ожидаемые добрые плоды; иными словами, занятие ими внесет в душу тишину, ясность и спокойствие. *Слушающий меня, — говорит Писание, — почиет в мире с упованием и пребудет без страха от всякого зла* (ср.: Притч. 1, 33). *Уповай всей полнотой сердца твоего и всего разумения твоего на Бога* (Мф. 22, 37; Лк. 10, 27). Уже одно это может уподобить Ему истинного мудреца. *Я сказал, вы — боги и сыны Вышнего* (Пс. 81, 6). И Эмпедокл души мудрецов также причисляет к богам, говоря:

Наконец, первенствуют между мертвыми прорицатели,
Слагатели гимнов и врачи.
По оставлении земли, они возрождаются богами
И окружаются наивысшими почестями.

Человек, если рассматривать его просто [как он есть], задуман по образу соединенного с ним духа. Не безвидным и неустроенным творится он в мастерской природы, откуда и вообще таинственным образом происходит все человечество, ибо и способ происхождения, и сущность роднят его с остальным творением. Но всякий человек отличается тем, что по врожденному ему свойству из множества вещей избирает любезное его душе. Вот почему мы можем утверждать, что Адам по своему устройению был совершенным, ибо не имел недостатка ни в чем, что характеризует идею человека и его внешний образ. Совершенство он получил одновременно с жизнью, и оно было оправдано его послушанием. Вот то, чему предстояло в нем постепенно возвышаться до зрелости, и это была его способность совершенствоваться; а иначе говоря, его свободная воля. В причине же его выбора и в том, что выбор этот не встретил препятствий, Бога винить нельзя. А появление на свет [возникновение], бывает двух видов: одно — у рождающихся, другое — у происходящих.

Говорят, что человека, от природы подверженного страстям и душевным волнениям, мужество делает бесстрашным, и всякому, кто следует его внушениям, сообщает оно непобедимость. Крепость сердца служит, так сказать, оруженосцем для духа, поддерживая его в терпении, безропотной покорности и других подобных добродетелях. Воздержность же и рассудительность своим благотворным влиянием остепеняют пожелание. Бог же бесстрастен: не свойственна Ему гневливость в человеческом смысле этого слова; не имеет Он пожеланий; не объемлется страхом, ибо Ему не нужно избегать опас-

ностей; Он вечно воздержен, ибо Ему не приходится обуздывать Своих вожделений. По Своей природе Бог и не может испытывать страха; равным образом и не имеет Он и никаких пожеланий; оттого Ему не приходится и обуздывать их. «Нужно, — говорил Пифагор, — и человеку быть единым». Это слово Пифагора повторяется и у нас, [христиан], в смысле таинственном. Один у нас Первосвященник, один и Бог, неизменный по существу Своему; от Него проистекают и все блага. Спаситель, запрещая даже пожелание, тем самым в корне подсекает и гнев, ибо гнев есть не что иное, как пожелание мести. Вообще пожелание, какого бы свойства оно ни было, содержит в себе смятение духа и навязывает ему страстное состояние. Всякий человек, научившийся обуздывать беспорядочные движения своей души, по своей непричастности злу становится уже и причастником природы божественной и возвышается в своем существе до того величественного состояния, которое именуется единством Божиим. Подобно тому как мореплаватели, извлекая из моря ими же опущенный якорь, сами движутся в его сторону, так и истинный мудрец, желая привлечь Бога совершенством своей жизни, сам собой тяготеет к Нему. Кто служит Богу, тот, следовательно, служит и себе самому. В жизни созерцательной забота о своей сокровенной пользе равнозначна почитанию Бога; и совершенство очищения приводит человеческую святость по взаимному тождеству сущности к созерцанию святости Божией. Так человек воздержный, остающийся всегда рассудительным, постоянно наблюдающим за собой и себя созерцающим, никогда себе не изменяющим, уподобляется Богу — настолько, насколько это уподобление возможно.

24. [Значение и цель скорбей, возлагаемых Богом на человека]

Как только некая вещь и ее противоположность — например, жизнь добродетельная или порочная — оказываются в нашей воле, можно утверждать, что они находятся и в нашей власти, а из этого следует, что состоящее в нашей власти возможно для нас. Таким образом, в нашей власти будет как исполнение, так и неисполнение заповедей. С этим согласуется и то, что как похвала, так и порицание есть следствие собственных наших действий; и если грешник наказывается за совершенные им преступления, он несет наказание лишь за то, что сделано им по собственной воле. Что сделано, то сделано, и оно не может стать как бы небывшим. Грехи, совершенные до принятия веры, Господь прощает. Но Он прощает их не так, как если бы они никогда не совершались, а так [изглаживает следствия их], как будто грехов тех и не было.

«Прощение не относится ко всем грехам, но лишь к невольным и происшедшим от неведения», — говорит Василид, вообразив дар Бога человеческим даром. И Священное Писание отвечает ему: *Подумал ты, беззаконник, что Я буду подобен тебе* (Пс. 49, 21).

Но и в том случае, когда мы наказываемся за невольные грехи,

то это происходит не с тем, чтобы сделать их не бывшими, но именно потому, что они были нами совершены. Наказание еще не дает виновному сил и способов не грешить; оно только помогает ему не согрешать впредь. Вместе с тем и всем другим оно как бы говорит: «Берегитесь и вы впасть в те же самые грехи». По трем причинам всеблагий Бог наказывает нас здесь, на земле: во-первых, чтобы сам наказуемый сделался лучше; во-вторых, чтобы тех, кто еще может быть спасен, пример наказанных ближних готовил к спасению; в-третьих, чтобы оградить от презрения того, кто сделался жертвой несправедливости, и воспрепятствовать нанесению ему новой обиды. Способов же вразумления и исправления мы различаем два: один — с помощью учения, другой — через наказание, которое потому и налагается способом понудительным. Нужно еще и то знать, что наказываемся мы только за грехи, совершенные нами после Крещения; грехи прежние нам прощаются, а последующие нуждаются в очищении. О неверующих же сказано: *Вменились они в прах, который взмывает ветер от лица земли, и каплей из кувшина* (ср.: Пс. 1, 4; Ис. 40, 15).

25. [Истинное совершенство в познании Бога и любви к Нему]

«Счастлив человек, обученный знанию. Блажен тот, кто не полагал целью своей ущерб и несчастье сограждан и не поощрял других к делам несправедливости. Блажен он, созерцающий нескончаемую красоту вечной природы, старости непричастной; блажен он, знающий, в чем та красота состоит, как и почему остается она неизменной. У такого нет и намерения совершить нечто постыдное»¹. И Платон поэтому имел все основания сказать, что занятый созерцанием идей будет жить среди смертных как бы богом. Ум есть вместилище идей, а Бог есть престол ума. В «Софисте» Сократ, считавший, что созерцатель невидимого Бога сам является богом среди людей, называет «богом» и своего гостя элейца, сильного в диалектике, и приравнивает его к тем из них, кто под видом чужестранцев посещает города. В мудреце и на самом деле есть нечто богоподобное. Ибо когда душа его, возвышаясь над всем вещественным и будучи наедине с собой, подобно корифею в «Теэтете», общается лишь с миром идей, то возвышается она до ангельского состояния (Мф. 22, 30). Погруженная своей жизнью в Христа и обращенная к созерцанию Бога, она чтит лишь Его волю. И поистине

Только такой [человек] и мудрец,
Остальные же колеблются, словно тени

(Одиссея, X, 495).

сами мертвые [духом], они и погребают своих мертвецов (Мф. 8, 22). Поэтому и Иеремия сказал: *Наполню его [город] трупами сы-*

¹ Фрагмент не дошедшего до нас сочинения Еврипида.

нов земли, которых поразил гнев Мой (ср.: Иер. 40, 5).

Бог [Отец] Непостижимый не может быть предметом изучения. Сын же — одновременно и мудрость, и истина, и научение — есть и все то, что имеет ближайшее отношение к Богу. Он есть и нечто большее — объяснение и начало всего. Все силы Духа, присутствующие в любом творении, направлены к Нему — не определенному ни по одной из Его духовных сил, ибо Он представляет Собой не нечто одно как одно и не множество, из частей слагающееся¹, но Единое, обнимающее Собою все, почему от Него все и проистекает. Он есть обод всех сил: они в Нем движутся и Им же объединяются. Вот причина, почему Логос именуется *Альфой и Омегой* (Откр. 1, 8), ибо Он есть единственное в Своем роде Существо, конец которого есть вместе с тем и начало и начало которого есть конец; и нет в бытии этого Существа переминок, прерыва или меры². И вот почему верить в Логоса при посредстве Его же самого — значит достичь единства с самим собой, что равносильно нераздельному и нерасторжимому союзу с Логосом. Не верить же в Логос — значит впасть в сомнения, блуждать по странам неведомым, разлучаться и разделяться; и потому так говорит Господь: *Никакой сын иноплеменницы, необрезанный сердцем и необрезанный плотью*, т. е. нечистый и по душе и по телу, *не войдет в Мое святилище, ни из иноплемennых [живущих] среди дома Израиля, но лишь левиты* (ср.: Иез. 44, 9 сл.). Что же это за сыновья иноплеменницы? Это те, кто вместо того, чтобы верить, желают оставаться неверующими. Истинными священниками Бога будут, следовательно, лишь те, кто ведет жизнь непорочную. Поэтому из всех племен и обрезывавшихся слыли под именем святейших лишь те, в чьей среде сыны народа после помазания их священным елеем облакались обязанностями первосвященническими, царскими и пророческими. Поэтому запрещено им было даже дотрагиваться до трупов; не позволялось и входить в комнату, где лежал покойник (Лев. 21, 1; Числ. 6, 9—10; Иез. 44, 5). И это не потому, что сам труп оказывался чем-то оскверняющим, но потому, что грех и непослушание, будучи делами плоти, живут в теле, а с ним умирают (т. е. по себе добрых плодов не оставляя); а вследствие этого и гнусны. Поэтому священнику позволялось входить в комнату покойника только в том случае, если это были его отец, мать, сын или дочь. Отношения плотские и кровные у священника ограничивались, следовательно, лишь сыновними и родительскими. В этой же ближайшей и непрерывной степени родства наследовалось через рождение и священническое звание. Поэтому священни-

¹ Климент хочет сказать, что Сын представляет Собой существо единое не в том же смысле, что и вещи, собранные в одном месте (подобно тому как не является Он и множеством, состоящим из многих частей), а в том, что в Своем единстве, истинном и личном, Он все объемлет. Поэтому далее Он сравнивается с кругом, не имеющим ни начала ни конца.

² Образ круга.

ки и очищаться должны были в течение семи дней — по числу дней творения мира. В седьмой день они праздновали покой Божий. В восьмой же день приносилась ими умиловительная жертва за свой грех, как написано об этом у Иезекииля (Иез. 44, 27), согласно которому она означает заверение. Совершенным же очищением, по моему мнению, является воистину очистительная и примиряющая [с Богом] вера, чрез закон и пророки приводящая к Евангелию. Эта евангельская чистота и мир с Богом достигаются полным послушанием Богу при отложении заботы о всех вещах земных и отрешении от них, продолжающемся и сохраняемом до того дня, когда душа, радостно и с благодарностью пользовавшаяся ими, отдаст земле свою плотскую хижину (2 Кор. 5, 1). Затем это очищение должно было происходить через семь субботних лет — в том году, который приносил с собой высшую субботу, или покой (Лев. 25, 8). Некоторые понимают под этим те семь небес, которые являются ступенями нашего восхождения к Богу, или видят здесь указание на область неподвижных звезд, соседнюю с миром умных сил, на которую пророк намекает *осминами*¹. В эти семь седмин истинный мудрец, по моему мнению, должен совсем отрешиться от мира чувственных явлений, и прежде всего от греха. Вот почему и жертвы во очищение грехов приносились в течение семи дней. При этом круговороте времен нужно, впрочем, тщательно следить, чтобы к седьмой седмине не осталось никаких следов греховной нечистоты.

Праведный Иов говорил: *Нагим я вышел из утробы матери, нагим и отойду* (Иов. 1, 21). Не наготу от потери имения разумел он — то была бы жалкая и суетная мысль, — а то, что, как и подобало праведному, оставляет он землю эту, будучи непричастным злу и пороку, свободным и чистым от почитания не имеющих никакого вида кумиров и призраков, которые и за гроб сопровождают людей, живших бесчинно, нечестиво и неправедно². То же самое означает и следующее изречение: *если не будете, обратясь, как дети* (Мф. 18, 3), чистые телом и святые душой, воздерживаться от дел злых.

¹ Древние греки разделяли небо на восемь сфер, из которых в семи низших блуждали планеты, а в восьмой располагались неподвижные звезды; эта восьмая сфера считалась ближайшей к миру разумных духов или высших умов.

² Ср. у Платона в «Федоне»: «Если душа отрешается от тела грязной и неочищенной, поскольку она находилась во всегдашнем общении с ним, служила ему, любила его, очаровывалась похотями и страстями, так что ничего не почитала истинным, кроме телообразного — того, что можно осязать, видеть, пить, есть и использовать для любовных утех, а темного и безвидного для глаз, мысленного и одобряемого философией, обычно не терпела, боялась и убегала, — такая душа, исполненная телообразных свойств, внедренных в нее плотской жизнью и общением с телом, которое пользовалось всегдашним ее вниманием и заботой, должна быть земнородной и видимой. Имея такие свойства, она снова тянется и влечется к видимому и блуждает около склепов и гробниц, где в самом деле некоторые наблюдали явления душ в телесном виде, в каком и на самом деле представляются взору их образы, когда они не полностью отрешились, но удержали в себе видимое, вследствие чего и сами бывают видимы».

Господь этим показывает, что желает видеть нас такими, какими мы вышли из лона воды¹. За рождением плотским должно следовать возрождение духовное, которым Господь хочет постепенно подготовить нас к бессмертию. *Светильник же нечестивых погаснет* (ср.: Иов. 21, 10).

Эту чистоту души и тела, составляющую цель всех усилий и стремлений истинного мудреца, всемудрый Моисей очерчивает в образе внутренней и внешней чистоты Ревекки, искусно обращая на него наше внимание повторением своей мысли. Он описывает Ревекку в таких выражениях: *Девушка же была прекрасна; муж не познал ее* (Быт. 24, 16). Ревекка означает: «слава Божия», а слава Божия нетленна. Истинная праведность в том, чтобы никогда не желать чужого, и не вредить ближним, и всем существом своим быть храмом, посвященным Богу. Праведность есть мир и безмятежность жизни, ее крепость и непоколебимость. Когда Господь сказал исцеленной Им женщине: *Изйди в мир* (ср.: Мк. 5, 34), то этим выражением Он не что иное заповедал ей, как обращение к той же праведности. А «Салим» означает «мир», Царем которого пишется наш Спаситель, — как Моисей говорит о Мелхиседеке, царе Салимском, священнике Бога Всевышнего, в знак благодарности поднесшем Аврааму освященные хлеб и вино (Быт 14, 18; Евр. 7, 1, 2). Он изображается тут как лицо еще более высокое. Слово *Мелхиседек* значит *Царь правды*, а правда и мир — синонимы (Евр. 7, 2).

Василид же думает, что истинная правда и дочь ее — мир помещены в восьмерице² и там пребывают. Но это толкование слишком аллегорично. Обратимся к более доступным для всех изъяснениям, т. е. нравственным, а затем предпримем разбор учения Василида. Итак, поистине сам Спаситель нас посвящает в свои таинства — соответственно тому, что говорит и трагический поэт:

Бедая знающих [Его], сам Он дарует [нам] эти праздники³.

А на вопрос:

Что за праздники, о которых ты говоришь? —

последует ответ:

Не посвященным в тайны не следует и знать о них.

Если же кто-нибудь стал по своему любопытству снова допытываться, что это за празднества, то снова услышал бы:

¹ Имеется в виду возрождение в водах Крещения.

² См. прим. 1 к с. 206.

³ Из трагедии Кврипида «Вахх» (ст. 465 и далее). В приведенном фрагменте речь идет о дионисийских мистериях.

Не должно тебе слышать о них,
 Хоть они и достойны того.
 Нечестивец не допускается на праздники Бога¹.

Бог, не имеющий начала, есть совершенное начало всех вещей. Все существующее имеет отношение к этому началу. И так как Он есть существо, то Он и начало всего творчества; и так как Он благ, то Он и источник нравственности; а так как Он ум, то Он и источник способности разуметь и различать. Отсюда следует, что Логос, Сын Всевышнего Отца, есть и единственный наставник, воспитывающий человека.

26. [О том, как истинный мудрец пользуется телом и вещами земными]

Итак, безрассудны нападающие на творение и бранящие тело. Они не обращают внимания на то, что человек уже по телесному своему устройству обращен ввысь, дабы он мог созерцать небо; весь строй его чувств приспособлен к приобретению познаний; члены его тела и все части его приспособлены скорее к благим делам, чем к чувственным усладам. Отсюда происходит, что телесная наша хижина способна вместить душу, а все существо человеческое, по освящений и души и тела, через обновление его Спасителем удостаивается чести быть жилищем Святого Духа. Истинный же мудрец являет собой сочетание трех человеческих добродетелей, ибо он заботится о божественном и нравственно, и физически, и разумом. Ибо мудрость есть знание вещей божественных и человеческих. Праведность же образует [гармоническое] согласие различных частей души; а святость состоит в должном богопочитании. Если же кто скажет, что плоть бесславит самое себя, а через себя — и всякое порождение, и в оправдание своей ненависти к ней сошлется на слово Исаии: *Всякая плоть — трава, и вся слава человеческая, как полевой цветок; трава высохла, и цвет опал, слово же Господа <...> пребывает вовеки* (Ис. 40, 6—8), то пусть он выслушает разъяснение от самого Духа Святого через уста Иеремии: *И рассею их, как хворост, улетающий от ветра в пустыню. Вот жребий и участь вашего непослушания, говорит Господь. Так как ты забыл Меня и надеялся на ложное, то и я открою то, что у тебя сзади, перед лицом твоим и явлю бесчестие твое, прелюбодейство твое и ржание твое* (Иер. 13, 24—27), и так далее. Поэтому и *цвет полевой* (Ис. 40, 6; Иак. 1, 10; 1 Петр. 1, 24), и *ходить по плоти* (ср.: 2 Кор 10, 2), и *быть плотскими* (ср.: Кор. 3, 3) [означает], по апостолу, живущих в грехах. Душа считается благороднейшей частью человеческого существа, а тело — низшей. Однако ни душа не есть благо по самой природе своей, ни тело не есть зло по той же природе своей. Но из того, что известная вещь не есть благо, еще не следует прямо, что

¹ Вакха (Диониса).

она — зло. Есть вещи, стоящие посреди добра и зла, и среди них вещи непредпочитаемые и относительные. Нужно было, чтобы человек, по устройению своему принадлежащий к существам, которые живут чувствами, составлен был из различных, но не противоположных начал, каковы тело и душа. Дела добрые, принадлежа природе высшей, всегда и относятся к этому высшему началу, которому свойственно господствовать; дела же сластолюбия и греха проистекают из начала греховного. Но душа истинно мудрого, заключенная в тело лишь на короткое время, подобно страннику, пришедшему в чужую землю, пользуется телом строго умеренно; и расположенная покинуть эту бrenную хижину, едва лишь слышит призыв, остерегается быть к нему излишне снисходительной и благосклонной. *Странник*, — говорит она [вместе с Авраамом], — *в земле этой я и пришлец между вами* (ср.: Быт. 23, 4; Пс. 38, 13).

Василид основывает на этих словах свое учение о преимуществах избранных и о том, что по природе своей они происхождения неотмирного. Учение это нечестивое и ложное. Все твари — дело одного и того же Бога; никто по своей природе не чужд этого мира, ибо природа одна, подобно тому как существует только один Бог. И все же избранный живет здесь как чужой, зная, что рано или поздно придется оставить все, чем он владеет. Он не пренебрегает благами, которые перипатетики подразделяют на три вида¹, и пользуется ими; он пользуется и телом, но скорее как путник, который заехал в дальнюю страну; он входит в гостиницы и встречные дома, но заботится о вещах этого мира и о кровле над головой так же мало, как заботится путник. Оставив все — жилище, имущество, равно как и пользование ими, не питая к ним ни малейшей страсти, он охотно и радостно следует за проводником, выводящим его из этой жизни, никогда не оглядываясь на покинутое, благодаря Бога за земное странствие и призвание, с любовью и благословением приветствуя жилище, приготовленное ему на небе. *Ибо знаем, что когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. Оттого мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище; только бы нам и одетым не оказаться нагими <...>, ибо мы ходим верой, а не видением*, — говорит апостол (2 Кор. 5, 1–3, 7). [И далее:] *мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа* (2 Кор. 5, 8). Эти последние слова выражают сравнение. Но сравнивают между собой вещи, имеющие взаимное сходство. Так храбрейший храбрее храбрых и тех, кто мужества вовсе не имеет. Вот почему Павел прибавляет: *И потому ревностно стараемся, водворяясь ли, выходя ли, быть Ему угодными* (2 Кор. 5, 9), т. е. угодными единому Богу, Виновнику и Творцу всех вещей, как в этом мире находя-

¹ Аристотель в «Никомаховой этике» (I, 8): «Блага же суть троякого вида: душевные, телесные и внешние».

щихся, так и внемирных. Я восхищаюсь тем, как ясно сказал Эпихарм: «Если ты был благочестив от всей глубины сердца, то по смерти не потерпишь никакого зла; твой дух будет жить в небесах вечно». Не менее одобряю я и лирического поэта [Пиндара], так изрекшего: «Души нечестивых носятся вихрем под небом взад и вперед и терпят кровавые муки; вечно они носят это ярмо бедствий и мучений и избавиться от него не могут. Души же благочестивых, напротив, живут на небе и в радостных гимнах возносят хвалы Царю блаженных». Итак, пусть никто не говорит теперь, что душа посылается с неба на землю, чтобы претерпевать здесь незаслуженную горькую участь. Бог все устраивает к лучшему. На самом деле душа, добровольно избравшая наилучшую жизнь по Богу и правде, меняет землю на небо. Иов, стремившийся к познанию и достигший его, мог сказать: *Ныне узнал я, что Ты все можешь и нет ничего невозможного Тебе. Кто же возвещает мне то, чего я не ведал, великое и дивное, чего я не знал? Я же презрел себя, сочтя себя землей и пеплом* (ср.: Иов. 42, 2 сл., 6). Почему говорит он это? Потому что невежда привязан к греху и является землей и пеплом; между тем как человек, преуспевающий в познании и через него, насколько дано это человеческой слабости, уподобляющийся Богу, ходит с того времени по духу и в конце концов становится избранным. А что «землей» Писание называет безрассудных и непокорных, показывает пророк Иеремия, который так говорит об Иоакиме и его братьях: *Земля, земля, слушай слово Господне: напиши человека этого человеком отверженным* (Иер. 22, 29—30). А вот и другой пророк в свою очередь говорит: *Слушай, небо, и внимай, земля* (Ис. 1, 2). Разум пророк называет «слушанием», а душу мудрого — «небом», ибо единственная его забота — созерцание небесного и божественного, почему он и есть [истинный] израильтянин. Напротив, кто избирает невежество и предпочитает жестокосердие, того он клеймит именем земли — *Внимай...* Пророк обращается здесь к уху — органу слуха, приписывая чувственное тем, кто занят плотским. Это о них пророк Михей сказал: *Послушайте слово Господне, люди, свыкшиеся с горем* (ср.: Мих. 1, 1 сл.); и Авраам [говорит]: *Никогда, Господи, судящий землю* (ср.: Быт. 18, 25)¹, поскольку не уверовавший спасительному слову уже осужден (ср.: Ин. 3, 18).

Есть также и другой суд и приговор Господа, и он изложен в книгах Царств²: *Праведного услышит Бог* (ср.: Иов. 36, 10), *нечестивых же — не спасет, потому что они не хотят знать Бога* (ср.: Иов. 36, 12). *Вседержитель же не сотворил ничего недолжного*

¹ Библийский текст: *Никогда не сотворишь Ты по слову этому, чтобы погубить праведного с нечестивыми, и будет праведный как нечестивый; никогда Ты, судящий всю землю, не совершишь [такого] суда.*

² В Книгах Царств нижеследующего фрагмента нет; в нем соединены цитаты из разных мест книги Иова, приводимые с некоторыми отличиями от текста Септуагинты.

(ср.: Иов. 34, 12; 35, 13). Что ответят ереси на эти слова? Вот Писание объявляет, что Вседержитель Бог благ и никогда не может быть виновником порока и беззакония. Если они не познали Бога, то началом их заблуждения стало неведение, ибо Бог не создает ничего несуразного. *Вот Бог наш*, — говорит пророк, — *и нет иного Спасателя, кроме Него* (ср.: Ис. 45, 21). *Неужели неправда у Бога?* — спрашивает апостол (ср.: Рим. 9, 14).

От пророка узнаем мы и то, что есть воля Божия и преуспеяние в познании: *И ныне, Израиль, чего просит от тебя Бог твой? Лишь того, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего, и чтобы ходил во всех путях Его, и любил Его, и служил Ему одному* (ср.: Втор. 10, 12). От тебя, имеющего власть выбирать, Он ничего другого не требует, кроме того, чтобы ты выбрал спасение. А что иное заповедают пифагорейцы, советуя молиться громко? Не думают же они, что Бог не услышит молящихся тихо! Они полагают лишь, что молитвы, произнесенные без смущения при виде множества собравшихся, не могут быть неискренними.

Мы же о молитве рассудим в надлежащее время. Подобаает нам, как *ходящим днем* (ср.: Рим. 13, 13), и дела иметь вопиющие [к Богу]. *Да светятся дела твои* (ср.: Мф. 5, 16). *Вот человек и дела его пред лицом его. И вот Бог и дела Его* (ср.: Ис. 40, 10; 62, 11). Нужно, чтобы истинно мудрый по силе своей подражал Богу. А мне помнится, что поэты называли своих избранников то «богообразными», то «божественными», то «богоравными», то имеющими мудрость Зевса, то ни в чем богам не уступающими, то «боговидными», во все этих наименованиях используя украденное [у Моисея] *по образу и подобию* [Бога] (ср.: Быт. 1, 26). Послушаем Еврипида: «Золотые крылья прикреплены к моим плечам. Я обут в крылатые сандалии сирен. Одетый так, я воспаряю в бездонный эфир, прохожу равнинами неба и являюсь на беседу к Зевсу»¹. А я бы молился, чтобы дух Христов вознес меня в мой Иерусалим².

Вот и стоики справедливо говорят о небесном городе, что подобного ему нет на земле. И в самом деле нет. Вот город подлинно прекрасный. Населяющее его множество добродетельных людей управляют законом, подобно тому как Церковь — Словом [Бога]. Не может город этот ни осаде подвергнуться, ни подпасть власти земного тирана; воля Божия [совершается в нем] на земле, как на Небе (ср.: Мф. 6, 10). Образ этого города сообщают нам и поэты. Ведь и города гипербореев и аримаспов³, и поля Елисейские — это селения праведных. И в городе Платона усматриваем мы небесный их образец.

¹ Фрагмент из недошедшего сочинения.

² Подразумевается Иерусалим небесный.

³ Легендарные племена.